

Марина Цветаева, Анна Ахматова
Николай Гумилев, Александр Блок
и другие

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

*Жизнь и любовь
русских поэтов
и писателей*

Екатерина Станиславовна Докашева
Серебряный век. Жизнь
и любовь русских
поэтов и писателей
Серия «Биография эпохи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63920486

Серебряный век: жизнь и любовь русских поэтов и писателей:

Издательство АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-134872-4

Аннотация

Перед Вами сборник литературных портретов известных пар Серебряного века: Марина Цветаева и Сергей Эфрон, Александр Блок и Любовь Менделеева, Анна Ахматова и Николай Гумилев, Ася Тургенева и Андрей Белый, Максимилиан Волошин и Маргарита Сабашникова, Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Сергей Есенин и Айседора Дункан.

Они не только вписали свои имена в историю русской культуры, но и показали, как любовь побуждает к творчеству и ведет к новым свершениям и открытиям. Трагизм жизни обусловлен конкретными обстоятельствами, но творчество и

любовь позволяют выйти за пределы земного существования и свершиться – в вечности.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
«Да, в Вечности – жена, не на бумаге»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Цветаева М., Ахматова
А., Гумилев Н.,
Маяковский В. и др.
Серебряный век: жизнь
и любовь русских
поэтов и писателей**

© Ахматова А.А., наследники, 2021

© Гумилев Н.С., наследники, 2021

© Докашева Е.С., 2021

Предисловие

Перед Вами книга литературных портретов известных пар Серебряного века. Марина Цветаева и Сергей Эфрон, Александр Блок и Любовь Менделеева, Анна Ахматова и Николай Гумилев, Андрей Белый и Ася Тургенева, Максимилиан Волошин и Маргарита Сабашникова, Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Сергей Есенин и Айседора Дункан.

Они не только вписали свои имена в историю русской культуры, но и показали – как любовь раскрывает творчество и ведет к новым свершениям и открытиям. Трагизм жизни обусловлен конкретными обстоятельствами, но творчество и любовь позволяют выйти за пределы земного существования и воплотиться в вечности.

Каждая любовь неповторима. Мы вглядываемся в судьбы знакомых нам поэтов и художников, пытаюсь разгадать магию творческого дара и его непосредственную связь с небесными координатами.

Герои этой книги – люди разные, но всех их объединяет служение Слову и культуре и понимание, что по-настоящему творцы ответственны только перед своим даром, который дан им свыше.

Так, по одной из версий, причина самоубийства Цветаевой в том, что она поняла: родник иссяк и стихам больше не

течь. В этом есть некий символ и безусловная правда.

И еще – мы можем удивляться – насколько тесно тогда были переплетены знакомства, влюбленности, судьбы. Они перетекали свободно, без границ, и любовь порой как облако накрывала тех, кто был рядом. Андрей Белый и Любовь Менделеева, Маргарита Сабашникова и Вячеслав Иванов... Отношения напоминали античную трагедию, потому что все было серьезно, на грани жизни и смерти. Ведь в ту эпоху еще и стрелялись и были дуэли... Вспомним хотя бы Волошина и Гумилева.

В пору влюбленности в творчестве поэтов мы видим поразительный взлет, да и страдания обогащали лирику шедеврами. Эпоха Серебряного века была полна поисков новой религиозности и выхода за пределы косного существования. Этим объясняется ренессанс русской религиозной философии. А также популярность в России идей теософии и антропософии, которую разрабатывал Рудольф Штейнер... Две дамы Серебряного века – прекрасные Ася Тургенева и Маргарита Сабашникова – связали свою жизнь с учением Штейнера и внесли свой вклад в строительство Гётенаума.

Некоторые герои после двух революций – Февральской и Октябрьской – оказались разлученными – по ту сторону границы. Кто-то остался в России, кто-то связал свою жизнь с зарубежьем. Но память... память сохранялась. Часто велась переписка... Очерк Цветаевой «Живое о живом», посвященный Волошину, и воспоминания Маргариты Сабаш-

никовой «Зеленая змея», да и великолепная трилогия Андрея Белого – зримое свидетельство ушедшей эпохи... Каждый из них хранил память о другом.

В книге цитируются письма, воспоминания, дневники, стихотворения героев этого сборника – лучшие свидетельства о их жизни и творчестве.

«Да, в Вечности – жена, не на бумаге»

Марина Цветаева и Сергей Эфрон

«Мы никогда не расстанемся. Наша встреча – чудо. Пишу Вам все это, чтобы Вы не думали о нем, как о чужом. Он – мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нем я могу жить так, как живу – совершенно свободная.

Никто – почти никто! – из моих друзей не понимает моего выбора. Выбора! Господи, точно я выбирала!» – так о своем муже С. Эфроне писала М.Цветаева В.В. Розанову.

В своем послании Марине (будучи разлучен с ней), написанном после нескольких лет неизвестности, когда родные не знали – жив он или умер, Сергей Эфрон удивительным образом вторит жене, умножая ее слова своей любовью и преклонением:

«Я живу верой в нашу встречу. Без Вас для меня не будет жизни, живите! Я ничего не буду от Вас требовать – мне ничего и не нужно, кроме того, чтобы Вы были живы. Остальное – я это твердо знаю – будет. Об этом и говорить не нужно, потому что я знаю – всё, что

чувствую я не можете не чувствовать Вы.

Наша встреча с Вами была величайшим чудом, и еще большим чудом будет наша встреча грядущая. Когда я о ней думаю – сердце замирает страшно – ведь большей радости и быть не может, чем та, что нас ждет. Но я суеверен – не буду говорить об этом. Все годы нашей разлуки – каждый день, каждый час – Вы были со мной, во мне. Но и это Вы, конечно, должны знать».

Так они отзывались друг о друге и на таких высоких струнах души основывался их союз, начавшийся в годы далекой юности в Коктебеле.

Размышляя о жизни Марины и Сергея, понимаешь, что сходство судеб предопределило их встречу. Мать Марины умерла от туберкулеза, когда ей было 13 лет, Сергей остался без матери в 16 (Елизавета Дурново повесилась из-за самоубийства любимого сына Константина). Они ощущали внутреннее сиротство и неприкаянность, что тоже притягивало их друг к другу.

Ранние стихи Марины проникнуты жаждой любви как чуда – чуда, где высокие отношения и рыцарские чувства.

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В этом стихотворении, посвященном сестре Асе, очень

явно желание Марины самой встретить рыцаря, «готового на все»...

Слово «рыцарь» еще долго будет в ее поэтическом арсенале, тревожа далекой мечтой.

В пору взросления Марине хочется любви, она предчувствует ее, ждет, испытывает потребность в другом человеке, в его сочувствии и участии, ласке и нежности. Но все же книжный мир еще сильнее, чем реальный, или по крайней мере его полноправный соперник. Марина как будто бы находится в странном заколдованном круге, из которого пока выйти – не может. Нужно, чтобы явился тот, кто расколдует...

Вот, что она пишет в письме к Петру Юркевичу, другу ее 15-ти лет (как назовет его в дарственной надписи на книге «Волшебный фонарь»). Брат гимназической подруги Сони Юркевич, он был на три года старше Марины.

М.И. Цветаева – П. Юркевичу

<Не ранее второй половины сентября 1908 г., Москва>

Знаете, Понтик, я никак не могу решить, Вас ли я любила или свое желание полюбить? «Жить скверно и холодно, согревает и светит любовь». Так говорят люди. Я хотела попробовать, способна ли я любить или нет. Но все встречные были такие противные, мелочные, дрянные, что, увидев Вас, мне показалось: «Да, такого можно любить!» И мало того – я почувствовала, что люблю Вас.

Все дни, когда от Вас не было писем, и эти последние, московские дни мне было отчаянно-грустно. А теперь я несколько дней совершенно о Вас не вспоминала. А герцога Рейхштадтского, к<оторо>го я люблю больше всех и всего на свете, я не только не забываю ни на минуту, но даже часто чувствую желание умереть, чтобы встретиться с ним. Его ранняя смерть, фатальный ореол, к<отор>ым окружена его судьба, наконец то, что он никогда не вернется, всё это заставляет меня преклоняться перед ним, любить его без меры так, как я не способна любить никого из живых. Да, это всё странно.

К Вам я чувствую нежность, желание к Вам приласкаться, погладить Вас по шерстке, глядеть в Ваше славное лицо. Это любовь? Я сама не знаю. Я бы теперь сказала – это жажда ласки, участия, жажда самой приласкать. Но сравниваю я свое чувство к Наполеону II с своей любовью к Вам и удивляюсь огромной их разнице.

М<ожет> б<ыть> так любить, как люблю я Наполеона II, нельзя живых. Не знаю.

Чувствую только, что умерла бы за встречу с ним с восторгом, а за встречу с Вами – нет. <...>

Так рождается представление, что возвышенные чувства – это мечта, далекая и неисполнимая. Марине не хочется ошибиться и принять дружеское участие за большое чувство. Уже тогда она не соглашается на компромисс. Ей нуж-

но все или ничего.

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем, Чародей!

А эти стихи обращены к Чародею, Эллису, Льву Кобылинскому — другу, в котором тоже страшно «ошибиться»...

Марина расшибается о людей, о саму себя, ее первые стихи наивны и полны очарования еще детского мира — с его волшебством, смехом и грустью. Но вскоре она вступает в область чудесного, чего так долго ждала. И первым предвестником новых чудес стал Максимилиан Волошин, который пришел в восторг от Марининых стихов «Вечернего альбома» и явился лично к автору выразить свое почтение. Так завязалась дружба, вобравшая в себя затем: революции, крах старого мира, отчаяние, разлуку, голод и неприкаянность, но также и Коктебель, щедрые знакомства и встречи, море, веселье, поэтические споры, влюбленности, вдохновение места, дарившее стихи...

Волошин приглашает Цветаеву в Коктебель, приглашение – принимается. Марина еще не знает, что ждет ее там!

М.И. Цветаева – М.А. Волошину

Гурзуф, 6-е апреля 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Я смотрю на море, – издалека и вблизи, опускаю в него руки, но все оно не мое, я не его. Раствориться и слиться нельзя. Сделаться волной? Но буду ли я любить его тогда?

Оставаться человеком (или «получеловеком», все равно!) – вечно тосковать, вечно стоять на рубеже.

Должно, должно же существовать более тесное *ineinander*¹. Но я его не знаю! <...>

«Сделаться волной»... «Я – бренная пена морская»... Есть ли более глубокий символизм – что та, чье имя «пена морская» встретит своего суженого на море, эта стихия подарит главную любовь ее жизни. Буквально накануне встречи с Сергеем Эфроном Марина исповедует Волошину, еще не зная, что завтра книжный мир рухнет, уступив место другому, более яркому и живому, о котором она до сих пор не ведала...

М.И. Цветаева – М.А. Волошину

Гурзуф, 18-го апреля 1911 г.

¹ Здесь: слияние (нем.).

<...> «Я мысленно всё пережила, всё взяла. Мое воображение всегда бежит вперед. Я раскрываю еще нераспустившиеся цветы, я грубо касаюсь самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! Значит я не могу быть счастливой? Искусственно «забываться» я не хочу. У меня отвращение к таким экспериментам. Естественно – не могу из-за слишком острого взгляда вперед или назад.

Остается ощущение полного одиночества, к<оторо>му нет лечения. Тело другого человека – стена, она мешает видеть его душу. О, к<а>к я ненавижу эту стену!

И рая я не хочу, где всё блаженно и воздушно, – я т<а>к люблю лица, жесты, быт! И жизни я не хочу, где всё так ясно, просто и грубо-грубо! Мои глаза и руки к<а>к бы невольно срывают покровы – такие блестящие! – со всего.

<...> Должно быть что-то иное, какая-то воплощенная мечта или жизнь, сделавшаяся мечтою. Но если это и существует, то не здесь, не на земле!..

И вот – роковая встреча в Коктебеле. Роковая – от слова – Рок, Судьба. 5 мая 1911 года Марина познакомилась с 17-летним Сергеем Эфроном. Она сказала себе, что выйдет замуж за того, кто угадает, какой её любимый камень. В первый же день знакомства Сергей Эфрон нашел на пляже сердоликовую бусину и подарил Марине. Это и был ее любимый камень.

Позже Марина Цветаева признается матери Волошина

Елене Оттобальдовне: «Коктебель 1911 г. – счастливейший год моей жизни, никаким российским заревам не затмить этого сияния».

Марина начинает выдумывать себе романтического героя на свой лад. Общеизвестно ее мифотворчество, ее всматривание, вчувствование в других людей, стремление видеть в них что-то свое... «Бабушкин внучек» благодаря Маринину воображению превращается в цыгана...

По душе ему курган,
Воля, поле, даль без меры...
Он рожден в лучах Венеры,
Голубой звезды цыган.

Дальше – больше. Теперь Сергей Эфрон – авантюрист, контрабандист, готовый к самым рискованным приключениям.

Он после книги весь усталый,
Его пугает темнота...
Но это вздор! Его мечта —
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровные места
Глядит в окно глазами серны.
Контрабандисты и таверны
Его любимая мечта.

С момента встречи Марина и Сергей уже не расстаются. Они становятся одним целым, семьей... Вместе они покидают Коктебель, с тем чтобы уже навсегда соединить свои жизни...

М.И. Цветаева – Е.Я. и В.Я. Эфрон

9/VII <19>11 г.

Вера и Лиля!

Сейчас мы в Мелитополе. Взяли кипятку и будем есть всё то, что вы нам приготовили. Привет.

Милая Лиля и милая Вера, здесь, т. е. в вагоне, пахнет амфорой, но мы не унываем. Всего лучшего.

МЦ

При этом даже письма начинают писать вместе. Первые три строки – написаны рукой Сергея Эфрона, две последние – Цветаевой.

М.И. Цветаева – Е.Я. и В.Я. Эфрон

Самара, 15 июля 1911 г.

Дорогая Лиленька,

Вот мы и в Самаре. Уезжая из Москвы, я забыла длинное письмо к Вам. Если Андрей перешлет, Вы его получите. Сережа здоров и ужасно хорош. Привет всем. Целую Вас и Веру.

МЦ

Милая Лилюк и Вера! Как у вас сейчас в Кокте<беле>. Я

страшно счастлив. Целую.

М.И. Цветаева – М.А. Волошину

Самара, 15-го июля 1911 г.

Милый Макс,

Эта открытка напоминает мне тебя и Theophile Gautier.
Желаю тебе чувствовать себя т<а>к же хорошо, к<а>к я.

МЦ

<Рукой С. Эфрона:>

Милый Макс! Мы с Мариной часто вспоминаем твой Кок-тебель.

Целую, Сережа.

Кланяйся от нас Елене Оттобальдовне. Мы ей скоро напишем.

Марина постепенно начинает понимать, что ее любимый Сережа – это ребенок, о котором надо заботиться ввиду его слабого здоровья, опекать и оберегать...

М.И. Цветаева – Е.Я. Эфрон

<Июль 1911 г. Усень-Ивановский завод>

Дорогая Лиленька,

За неимением шоколада посылаю Вам картинку.

Сереженька здоров, пьет две бутылки кумыса в день, ест яйца во всех видах, много сидит, но пока еще не потолстел. У нас настоящая русская осень. Здесь много берез и сосен,

небольшое озеро, мельница, речка. Утром Сережа занимается геометрией, потом мы читаем с ним франц<узскую> книгу Daudet для гимназии, в 12 завтрак, после завтрака гуляем, читаем...

Не забывает Марина написать и Волошину с благодарностью за судьбоносную встречу.

М.И. Цветаева – М.А. Волошину

Усень-Ивановский завод

26-го июля 1911 г.

Дорогой Макс,

Если бы ты знал, к<а>к я хорошо к тебе отношусь!

Ты такой удивительно-милый, ласковый, осторожный, внимательный. Я так любовалась тобой на вечере в Старом Крыму, – твоим участием к Олимпиаде Никитичне – твоей вечной готовностью помогать людям.

Не принимай всё это за комплименты, – я вовсе не считаю тебя какой-н<и>б<удь> ходячей добродетелью из общества взаимопомощи, – ты просто Макс, чудный, сказочный Медведюшка. Я тебе страшно благодарна за Коктебель, – pays de rédemption², к<а>к называет его Аделаида Казимировна, и вообще за всё, что ты мне дал <...>

Один из главных вопросов, который встал перед юными

² Страна искупления (*фр.*).

влюбленными: где жить. Раз они решили не разлучаться... В письме к Волошину Цветаева жалуется на сестер Сергея, которые привыкли опекать брата и понятное дело – с настороженностью относятся к ней, так стремительно вторгнувшейся в сложившийся семейный уклад Эфронов.

М.И.Цветаева – М.А. Волошину

22-го сент. / 5-го окт. 1911 г. Москва

<...> Лиля серьезно больна, долгое время ей запрещали даже сидеть. Теперь ей немного лучше, но нужно еще очень беречься. Из-за этого наш план с Сережей жить вдвоем расстроился. Придется жить втроем, с Лилей, м<ожет> б<ыть> даже вчетвером, с Верой, к<отор>ая, кстати, приезжает сегодня с Людвигом. Не знаю, что выйдет из этого совместного житья, ведь Лиля всё еще считает Сережу за маленького. Я сама очень смотрю за его здоровьем, но когда будут следить еще Лиля с Верой, согласись – дело становится сложнее. Я бы очень хотела, чтобы Лиля уехала в Париж. Только не пиши ей об этом.

Сережа пока живет у нас. Папа приезжает наверное дней через 5. Ждем все (С<ережа>, Б<орис>, Ася и я) грандиозной истории из-за не совсем осторожного поведения. Наша квартира в 6-ом этаже, на Сивцевом-Вражке, в только что отстроенном доме. Прекрасные большие комнаты с итальянскими окнами. Все четыре отдельные.

И *это* пишет Марина, для которой еще совсем недавно книги – были всем... Характерно для ее настроения того времени стихотворение, где она поет настоящий гимн своему суженому и любви, которая теперь одна – на двоих. И название у стихотворения очень многозначительное – «На радость». Стоит отметить, что всю жизнь они были на «Вы». Такой высокий строй души...

Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
Все зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете...
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!

Солнце жжет, – на север с юга,
Или на луну!
Им очаг и бремя плуга,
Нам простор и зелень луга...
Милый, милый, друг у друга
Мы навек в плену!

Очень точно подметила Марина это сочетание – боги и дети. Здесь просится явная аллюзия – «Будьте как дети». Но ведь перед ними и вправду открыт рай. Все дороги мира!

В своем рассказе «Волшебница» Сергей Эфрон о Марине-Маре, о том впечатлении, которое она произвела на детей, появившись перед ними. Это, конечно, образ Марины его глазами.

«– Мара, – сказал я тихо, – я знаю, кто ты.

– Кто?

Ее блестящие глаза пристально взглянули в мои.

– Ты – волшебница. Правда, Женья?

– Правда!

– Догадались? Как я рада! Я сразу увидела, что вы меня поймете. Как же вы это узнали?

– Ты знакома с мальчиком-месяцем?

– Ты так легко ходишь!

– У тебя такие глаза, такое сердечко!

– И такие волосы.

– Ты по ночам не спишь, ты ничего не ешь, у тебя...

– Ты такая чудная!

– Мальчики мои! Ты, Кира, – золото, ты, Женья, – бриллиант! вы оба – аметистовые сердечки, как у меня на шее!

– А другие знают, что ты волшебница?

– Никто не знает.

– Даже Лена?

– И она не знает, – только вы, мои золотые, серебряные мальчишки. Недаром у вас аквамариновые глаза. Это такой драгоценный камень цвета морской воды.

– Ты любишь море?

– Вы любите стихи, да? Ну, слушайте:

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забывать не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал
Морская она, морская!

Мара кончила. Имя морское, душа морская, – может быть, она русалка?

– Ты русалка, Мара?

– Я все – и волшебница, и русалка, и маленькая девочка, и старуха, и барабанщик, и амазонка, – все! Я всем могу быть, все люблю, всего хочу! Понимаете?

– Конечно, ты волшебница!»

Каждодневная жизнь требовала определенных усилий по ее обустройству. Нужно было налаживать совместный быт и бытие. И снова она пишет своему Макс, делясь планами и перспективами – тем, что уже сделано и что еще только предстоит.

«...завтра мы переезжаем на новую кв<артиру> – Сережа, Лиля, Вера и я.

У нас с Сережей комнаты *vis á vis*³, – Сережина темно-зеленая, моя малиновая. У меня в комнате будут: большой книжный шкаф с львиными мордами из папиного кабинета, диван, письменный стол, полка с книгами и... и лиловый граммофон с деревянной (в чем моя гордость!) трубой. У Сережи – мягкая серая мебель и еще разные вещи. Лилия и Вера устроятся, к<a>к хотят. Вид из наших окон чудный – вся Москва. Особенно вечером, когда вместо домов одни огни».

Конец октября 1911 года – хлопоты по обустройству нового жилья. Марина постепенно приходит к мысли, которая определит все ее мироощущение в последующие годы. Эта мысль о том, что отныне – семья на ней. И многое придется делать самой, не обращаясь к Сереже, с его хрупким здоровьем и беспомощностью.

³ Напротив (*фр.*).

М.И. Цветаева – М.А. Волошину

Москва, 28-го октября 1911 г.

Дорогой Макс,

У меня большое окно с видом на Кремль. Вечером я ложусь на подоконник и смотрю на огни домов и темные силуэты башен. Наша квартира начала жить. Моя комната темная, тяжелая, нелепая и милая. Большой книжный шкаф, большой письменный стол, большой диван – все увесистое и громоздкое. На полу глобус и никогда не покидающие меня сундук и саквояжи. Я не очень верю в свое долгое пребывание здесь, очень хочется путешествовать! Со многим, что мне раньше казалось слишком трудным, невозможным для меня, я справилась и со многим еще буду справляться! Мне надо быть очень сильной и верить в себя, иначе совсем невозможно жить!

Странно, Макс, почувствовать себя внезапно совсем самостоятельной. Для меня это сюрприз, – мне всегда казалось, что кто-то другой будет устраивать мою жизнь. Теперь же я во всем буду поступать, к<a>к в печатании сборника. Пойду и сделаю. Ты меня одобряешь?

Потом я еще думала, что глупо быть счастливой, даже неприлично! Глупо и неприлично т<a>к думать, – вот мое сегодня <...>

Марина собирается венчаться с Сергеем. Ее отец отнесся к предстоящему венчанию как к сумасбродству подростков

дочери. Ни у него, ни у других родственников не мог вызвать восторга тот факт, что жених и невеста слишком юны и к тому же не окончили гимназии. В письме к своему неизменно-му адресату Волошину (которого она приглашала на свадьбу и видела в качестве шафера) Цветаева жаловалась:

«На свадьбе будут все папины родственники, самые странные. Необходим целый полк наших личных друзей, чтобы не чувствовать себя нелепо от пожеланий всех этих почтенных старших, <отор>ые, потихоньку и вслух негодуя на нас за неоконченные нами гимназии и сумму наших лет – 37, непременно отравят нам и январь, и 1912 год.

Макс, ты должен приехать!».

Беседа же с отцом, которого она боялась, закончилась, по словам Цветаевой, «Разговором в духе всех веков!».

«Разговор с папой кончился мирно, несмотря на очень бурное начало. Бурное – с его стороны, я вела себя очень хорошо и спокойно. – «Я знаю, что (Вам) в наше время принято никого не слушаться»... (В наше время! Бедный папа!)... «Ты даже со мной не посоветовалась. Пришла и – „выхожу замуж“!»

– «Но, папа, <a>к же я могла с тобой советоваться? Ты бы непременно стал мне отсоветовать».

Он сначала: «На свадьбе твоей я, конечно, не буду. Нет, нет, нет».

А после: «Ну, а когда же вы думаете венчаться?»

В связи с предстоящим замужеством Цветаева в конце

1911 года покинула свой дом в Трехпрудном переулке. На одном из стихотворений Цветаевой, написанном в ту пору и посвященном мужу, стоит остановиться. В нем она как бы задает образ будущей семейной жизни и просит мужа не требовать от нее разумности.

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу,
Но разумности не требуй.

Я до смерти буду
Девочкой, хотя твоей.
Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.

Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой.

С момента семейной жизни начинается один из самых счастливых и благополучных периодов в судьбе Марины Цветаевой. Она молода, красива, у нее любимый муж, и ее охватывает желание поехать за границу... Скучной обывательской жизни она предпочитает во всем – романтику и высокий лад души.

М.И. Цветаева – М.А. Волошину

Петербург, 10-го января 1912 г.

Милый Макс,

Сейчас я у Сережиных родственников в П<етер>бурге. Я не могу любить чужого, вернее, чуждого. Я ужасно нетерпима.

Нютя – очень добрая, но ужасно много говорит о культуре и наслаждении быть студентом для Сережи.

Наслаждаться – университетом, когда есть Италия, Испания, море, весна, золотые поля...

Ее интересуется общество адвокатов, людей одной профессии. Я не понимаю этого очарования! И не принимаю!

Мир очень велик, жизнь безумно коротка, зачем приучаться к чуждому, к чему попытки полюбить его?

О, я знаю, что никогда не научусь любить что бы то ни было, просто потому, что слишком многое люблю непосредственно!

Уютная квартира, муж-адвокат, жена – жена адвоката, интересующаяся «новинками литературы»...

О, к<a>к это скучно, скучно!

Дело с венчанием затягивается, – Нютя с мужем выдумывают все новые и новые комбинации экзаменов для Сережи. Они совсем его замучили. Я крепко держусь за наше заграничное путешествие.

– «Это решено».

Волшебная фраза!

За к<отор>ой обыкновенно следуют многозначительные замечания, вроде: «Да, м<ожет> б<ыть> на это у Вас есть какие-н<и>б<удь> особенные причины?»

Я, право, считаю себя слишком достойной всей красоты мира, чтобы терпеливо и терпимо выносить каждую участь!

P.S. Венчание наше будет за границей.

Здесь вполне обозначена Маринина жажда жить – «Я жажду сразу – всех дорог!». И понимание быстротечности и мимолетности бытия. Ей не терпится насладиться всеми красотами мира и немедленно отправиться в заграничное путешествие. И конечно – Париж, где Марина уже была в юности («к стволу каштана прильнуть так сладко голове!»). Потом их ждали Италия, Германия...

М.И. Цветаева – Е.Я. Эфрон

Париж, 5/18 марта 1912 г.

Милая Лиля, вчера утром мы приехали в Париж. Сережа лучше меня знает названия улиц и зданий. Я, желая показать ему Notre Dame, повела его вчера в совершенно обратную сторону. Аси мы еще не разыскали. Наше отчаяние – все эти автобусы и омнибусы, загадочные своим направлением. Пока до свидания.

МЭ.

М.И. Цветаева – А.М. Кожебаткину

Палермо, 4-го апр<еля> 1912 г.

Христос Воскресе, милый Александр Мелетьевич! Мы встречаем Пасху в Palermo, где колокола и в постные дни пускают силой звона. Самое лучшее в мире, пожалуй – огромная крыша, с к<отор>ой виден весь мир. Мы это имеем. Кроме того, на всех улицах запах апельсиновых цветов. Здесь много старинных зданий. Во дворе нашего отеля старинный фонтан с амуром. С нашей крыши виден двор монастырской школы. Сегодня мы наблюдали, как ученики приносили аббату подарки на Пасху и целовали ему руки. Пишите о Москве. Всего лучшего.

Марина Эфрон

Мой адр<ес>: Italie, Palermo, Via Allora, Hôtel Patria, № 48.
M-me Marina Efron.

М.И.Цветаева – Ж.Г. и К.Ф. Богаевским

Катания. 11/24-го апреля 1912 г.

Милые Жозефина Густавовна и Константин Федорович!
Из Палермо мы приехали в Катанию. Завтра едем в Сиракузы.

Ах, Константин Федорович, сколько картин Вас ждут в Сицилии! Мне кажется, это Ваша настоящая родина. (Не обижайтесь за Феодосию и Коктебель.) В Палермо мы много бродили по окрестностям, были в Montreale, где чудный, старинный бенедиктинский монастырь с двориком, напоминающим цветную корзинку, и мозаичными колоннадами. По-

сле Сиракуз едем в Рим, оттуда в Базель. Если захочется написать, то адр<ес> *Schweiz, Basel, poste restante*. Всего лучшего. Сережа шлет привет.

МЭ.

М.И.Цветаева, С.Я.Эфрон – Е.Я. Эфрон

7 мая (24 апреля) 1912 г. Кирхгартен

Милая Лиленька, Сережа страшно обрадовался Вашему письму Скоро увидимся. Мы решили лето провести в России. Так у нас будет 3 лета: в Сицилии, в Шварцвальде, в России. Приходите встречать нас на вокзал, о дне и часе нашего приезда сообщим заранее. У нас цветут яблони, вишни и сирень, – к сожалению, все в чужих садах. Овес уже высокий, – шелковистый, светло-зеленый, везде шумят ручьи и ели. Радуйтесь: осенью мы достанем себе чудного, толстого, ленивого кота. Я очень о нем мечтаю. Каждый день при наших обедах присутствует такой кот, жадно смотрит в глаза и тарелки и, не вытерпев, прыгает на колени то Сереже, то мне. Наш кот будет такой же.

<Приписка:> Радуюсь отъезду Макса и Пра и скорому свиданию с Вами и Верой. Всего лучшего.

МЭ.

Милый Лилюк,

Ты отгадала: нам скоро суждено увидеться. Марина решила присутствовать на торжествах открытия Музея, и к Тро-

ищину дню (13 мая) мы будем в Москве...

Сейчас внизу гостиницы (деревенской) празднуют чье-то венчание, и оттуда несется веселая громкая музыка. Но в каждой музыке есть что-то грустное (по крайней мере, для профана), и мне грустно. Хотя грустно еще по другой причине: жалко уезжать и вместе с тем тянет обратно. Одним словом, вишу в воздухе и не хватает твердости духа, чтобы заставить себя окончательно решить ехать в Россию.

А тоска растет и растет!.. У меня сейчас такая грандиозная жажда, а чего – я сам не знаю!..

В Москве их ждали хлопоты по поиску жилья. Удалось снять особняк в 4 комнаты на Собачьей площадке и обставить его старинной мебелью. Марина с Сережей также присутствовали на знаменательном событии – открытии Музея изящных искусств, который создал ее отец Иван Владимирович Цветаев. Затем молодые уехали в любимую Тарусу. К Сусанне Давыдовне Мейн. К Тьо.

М.И. Цветаева – В.Я. Эфрон

Таруса, 11-го июня 1912 г.

Милая Вера,

Вот уже неделя, к<ак> мы у Тьо. Она делит свою нежность между граченком, к<оторо>го выходила, четырьмя котами, голубями, воробьями, курами, нищими и нами, – но на нашу долю все-таки остается много.

<...> От Сережи она в восторге, советуется с ним во всех важных случаях. Т<a>к напр<имер>, она спрашивала его недавно, нужно ли ремонтировать флигель, к<отор>ый сгорел несколько времени тому назад от лампадки. Сережа сказал «да», и завтра начинается перестройка. С 15-го июля мы переселяемся туда, пока мы живем в гостиной главного дома, у нас свой ход на улицу и свой ключ. <...>

Мы встаем к 9-ти часам, пьем кофе и сидим за столом часа по два: Тьо то вспоминает старое время, свою молодость и мамину. <...>

Дом – волшебный, поражает чистотой. Всё в чехлах. Я в диком раже. Т<a>к хочется рассмотреть все эти стенные и стоячие лампы, канделябры, статуи, картины, диваны, кресла, тумбочки, столы! Но нет: всё крепко зашито! В ее комнате всегда полутемно. Над диваном огромный портрет дедушки углем, по бокам фотографии: мамыны детские и наши всех возрастов, на туалетном столике граненые флаконы – увы, пустые! Она не выносит духов – какие-то полированные ящички с цветами, ручные зеркальца, – всякая чудесная мелочь. Часы с вальсами Штрауса и Ланнера больше не ходят, она говорит, что это после нашего последнего приезда.

Скоро зацветут липы. Они окружают весь сад, круглые, темные, страшно густые. Перед террасой площадка, посыпанная красным песком. Раньше на клумбах росли дивные цветы, теперь же ничего нет, всё сожрали и вытоптали мои враги, предмет моего глубочайшего отвращения – куры.

Не помню, писал ли Вам Сережа о нашем особняке на Собачьей площадке? В нем 4 комнаты, потолок в парадном расписной, в Сережиной комнате камин, в моей и столовой освещение сверху (у меня, кроме того, нормальное окно) и вделанные в стену шкафы. Кухня и комната для прислуги в подвале. Если не будет собственного, хотелось бы прожить в этом доме подольше, такой не скоро найдешь! <...>

Да, я забыла: мы уже обставили всю нашу квартиру, купили старинный рояль с милым, слегка разбитым звуком, прекрасную ковровую мебель для Сережиной комнаты, зеркало из красного дерева, к<a>к и рояль, гардероб и т. д.

Будет очень волшебный домик, осенью увидите. Ну, окончательно до свидания.

МЭ

Осенью у супругов Эфрон родилась дочь Ариадна. В жизни семьи Эфронов наступает новый этап. Марина теперь не только жена, но и мать. Она расцветает на глазах, что не могут не отметить люди, которые сталкиваются с ней. В ее жизни царит гармония – личное счастье и творчество, которое постепенно все больше и больше становится популярным в разных кругах читательской России. Марина как поэт обретает свой собственный неповторимый голос. Летом они в Коктебеле, где пишутся замечательные строки – признание в любви собственному мужу.

...Летели солнечные стрелы
И волны – бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете – и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря.

И новые зажгутся луны,
И лягут яростные львы —
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

Замужество раскрепостило Цветаеву – ей хочется нравиться, и она стала уделять больше внимания внешнему виду, чего раньше не было... В письме одному из своих адресатов она пишет: «Завтра будет готово мое новое платье – страшно праздничное: «ослепительно-синий атлас с ослепительно-красными маленькими розами. Не ужасайтесь! Оно совсем старинное и волшебное. Господи, к чему эти унылые английские кофточки, когда так мало жить! Я сейчас

под очарованием костюмов. Прекрасно – прекрасно одеваться вообще, а особенно – где-нибудь на необитаемом острове, – только для себя!»

ПРИМЕЧАНИЕ.

А вот отрывок из воспоминаний Валентины Перегудовой, с которой Марина Цветаева когда-то училась вместе в гимназии. Этот текст относится к более позднему периоду жизни Цветаевой, но он хорошо демонстрирует те перемены, которые произошли в Марине.

<...> Однажды (было это, по-моему, в конце 1916 года, может быть – 1915-го) шла я по Борисоглебскому переулку и увидела немного впереди себя небольшую веселую компанию, среди которой была женщина, оживленно что-то рассказывавшая своим спутникам. Я шла быстрее этой компании и вскоре приблизилась к ней. И вдруг... знакомый-знакомый голос с таким, когда-то милым мне, небольшим дефектом в произношении (не сумею его охарактеризовать)... Да ведь это Марина! – подсказало мне екнувшее сердце. Вторгнуться в незнакомую компанию мне не позволило мое пансионское воспитание, и я быстро обогнала ее и оглянулась, чтобы увидеть лицо женщины. Это действительно была Марина, но какая Марина! Я увидела знакомое мне лицо, но без очков (она мне всегда очень нравилась, когда снимала очки), очень похорошевшее, веселое и, я сказала бы, какое-то озорное. Она, жестикулируя, что-

то весело рассказывала, и кругом дружно смеялись. Полная какого-то смятения и волнения, я пошла своей дорогой, стараясь воспроизвести в памяти только что поразившую меня картину. Марина, но совсем, совсем другая: в красном пальто с пелериной, отделанной по краям мехом, в такой же шапочке, в модных туфлях на высоких каблуках, с свободной и легкой походкой. Все это я разглядела, еще когда шла позади нее. Да неужели это та самая Марина, так мало раньше занимавшаяся своей внешностью, всегда скромно и даже немного небрежно одевавшаяся и издевавшаяся в пансионе над девочками, рассказывавшими, захлебываясь от восхищения, о виденных ими на ком-то «туалетах»? Настолько резок был контраст между прежней Мариной и вновь увиденной, что эта встреча навсегда запечатлелась в моей памяти со всеми подробностями. Сразу мелькнула мысль: Марина полюбила кого-то, в ней проснулась женщина, желающая нравиться. <...>

Но вместе с тем, с этой жадой всех дорог, как и в юности – неотступно и неотвязно были мысли о смерти. О том, что та – всегда рядом... И был протест против этого непреложного порядка вещей. Протест, который переливался в стихи... Жажда любви – как источника творчества и жизни вообще – постепенно привела Марину к увлечениям и влюбленностям на стороне. Как-то она писала: «Любишь свое. В чужих влюбляешься...» Одно из первых увлечений вне брака было чувство к брату мужа – Пете Эфрону. Марина как бы пробовала расширять круг близких...

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня,
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованием веры

И с просьбой о любви...

В 1914 году Сергей по состоянию здоровья заканчивал гимназию в Феодосии. Праздник волшебства продолжался. И любимый Коктебель, и Феодосия. Рядом – только самые близкие. Сережа и Ася...

М.И. Цветаева – Е.Я. и В.Я. Эфрон

Феодосия, 9-го февраля 1914 г., понедельник

Милая Лиля и Вера,

У нас весна, – вчера ходили без пальто. Чудный теплый ветер, ослепительное море, ослепительные стены домов.

С<ережа> недавно начал заниматься с гимназическим французом, к<отор>ый живет за городом. Целый ряд до-вольню безобразных и громадных вилл почти на самом берегу, отделенном от улицы узкой полоской железной дороги. Мы с Асей почти каждый раз ходим провожать С<ережу> и каждый раз не знаем, что делать с этой непередаваемой красотой вечернего моря и вечернего неба над ним. <...>

Что есть любовь? И чем любовь является для Марины? Она пытается ответить на этот вопрос хотя бы себе... В письме к Василию Розанову от 7 марта 1914 года пишет:

«Долго, долго, – с самого моего детства, с тех пор, как я себя помню – мне казалось, что я хочу, чтобы меня любили.

Теперь я знаю и говорю каждому: мне не нужно любви, мне нужно понимание. Для меня это – любовь. А то, что Вы называете любовью (жертвы, верность, ревность), берегите для других, для другой, – мне этого не нужно. Я могу любить только человека, который в весенний день предпочтет мне березу. – Это моя формула».

Дальше она пишет о муже следующее:

«Да, о себе: я замужем, у меня дочка 1 ½ года – Ариадна (Аля), моему мужу 20 лет. Он необычайно и благородно красив, он прекрасен внешне и внутренне. Прадед его с отцовской стороны был раввином, дед с материнской – великолепным гвардейцем Николая I.

В Сереже соединены – блестяще соединены – две крови: еврейская и русская. Он блестяще одарен, умен, благороден. Душой, манерами, лицом – весь в мать. А мать его была красавицей и героиней.

Мать его урожденная Дурново.

Сережу я люблю бесконечно и навеки. Дочку свою обожаю.

Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни.

Отсюда – безнадежность, ужас старости и смерти. Полная неспособность природы – молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жадность жить.

Все, что я сказала – правда.

Может быть, Вы меня из-за этого оттолкнете. Но ведь я не виновата. Если Бог есть – Он ведь создал меня такой! И если есть загробная жизнь, я в ней, конечно, буду счастливой. <...>

Хочется сказать Вам еще несколько слов о Сереже. Он очень болезненный, 16-ти лет у него начался туберкулез. Теперь процесс у него остановился, но общее состояние здоровья намного ниже среднего. Если бы Вы знали, какой это пламенный, великодушный, глубокий юноша! Я постоянно дрожу над ним. От малейшего волнения у него повышается t° , он весь – лихорадочная жажда всего. Встретились мы с ним, когда ему было 17, мне 18 лет. За три – или почти три – года совместной жизни – ни одной тени сомнения друг в друге. Наш брак до того не похож на обычный брак, что я совсем не чувствую себя замужем и совсем не переменялась, – люблю все то же и живу все так же, как в 17 лет. <...>

В начале июня 1914 года Марина написала стихотворение, посвященное мужу.

С.Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!

– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. —

Его чрезмерно узкое лицо

Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,

Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страха. —
Такие – в роковые времена —
Слагают стансы – и идут на плаху.

Очень скоро любовь к мужу будет проходить серьезное испытание. Ухудшается здоровье Сережиного брата – Пети Эфрона. Он в больнице и шансов на выздоровление практически нет. У Марины рождается сильное чувство к брату мужа. Что это? Любовь? Жалость? Желание скрасить последние дни больному. Марина часто ходит в больницу, дежурит у постели. В письме к Петру от 14 июля 1914 года пишет:

Мальчик мой ненаглядный!

Сережа мечется на постели, кусает губы, стонет.

Я смотрю на его длинное, нежное, страдальческое лицо и все понимаю: любовь к нему и любовь к Вам.

Мальчики! Вот в чем моя любовь.

Чистые сердцем! Жестоко оскорбленные жизнью!
Мальчики без матери!

Хочется соединить в одном бесконечном объятии Ваши милые темные головы, сказать Вам без слов: «Люблю обоих, любите оба – навек!»...

О, моя деточка! Ничего не могу для Вас сделать, хочу только, чтобы Вы в меня поверили. Тогда моя любовь к Вам даст Вам силы <...>

Если бы не Сережа и Аля, за которых я перед Богом отвечаю, я с радостью умерла бы за Вас, за то, чтобы Вы сразу выздоровели <...>

В конце июля Петр Эфрон умирает. И – взрыв творчества – растет цикл стихов, посвященных Петру Эфрону, в одном из писем к которому она призналась: «Вы первый, кого я поцеловала после Сережи».

Что было дальше? Временная передышка. Но разбуженный вулкан творчества требовал все новых и новых увлечений, ведь после них рождались такие прекрасные стихи... Следующий роман был еще более возмутителен и шокировал современников. Ведь Марина влюбилась в женщину, поэтессу Софью Парнок.

Можно себе представить, что испытывал при этом ее муж, Сергей Эфрон. Он страдал молча, не унижая Марину скандалами или выяснениями отношений. Марина ему была дана судьбой – раз и навсегда... И он, как рыцарь, оставался верен ей всю жизнь.

В марте 1915 года он поступает на службу санитаром в Отдел санитарных поездов Всероссийского земского союза.

187-й поезд, куда его определили, курсировал по маршруту Москва – Белосток – Москва. В письме к своей сестре Лиле он просит ее быть поосторожней с Мариной, так как «она совсем больна сейчас». Он мучительно беспокоится за Алю, «громадное место занимает сейчас она в Марининой жизни. Для Марины, я это знаю очень хорошо, Аля единственная настоящая радость, и сейчас без Али ей будет несносно». Далее идут слова, которые многое объясняют: «Мне вообще страшно за Коктебель». Он боится этого места, зная, как легко там зарождаются романы и к каким иногда судьбоносным последствиям они приводят.

Но и Марина тревожится за Сергея. Лиле Эфрон она сообщает в письме:

«Серēju я люблю на всю жизнь, он мне родной, никогда и никуда от него не уйду. Пишу ему то каждый, то – через день, он знает всю мою жизнь, он мне родной, только о самом грустном я стараюсь писать реже. На сердце – вечная тяжесть. С ней засыпаю и просыпаюсь. <...> Разорванность от дней, к<отор>ые надо делить, сердце все совмещает...»

Маринино сердце вмещало все: и ад, и рай, и грех, и святое чувство к мужу и дочери...

А Сергей Эфрон рвется на фронт, но его останавливает – страх за Марину.

В ноябре 1915 года он поступает актером в Камерный театр. Продолжает учебу в университете. Супруги не собира-

ются разводиться, они – вместе, несмотря ни на что. Что было в его душе – можно только догадываться.

Марина знакомится и увлекается Осипом Мандельштамом, после – объектом ее страсти станет Тихон Чурилин. Любовь для Марины не то, что вкладывают в это понятие большинство людей. Во всяком случае это не физическая страсть в ее воплощении. И уж точно – не только она. Для Марины физическое – уступка божественному и вечному. В письме к молодому критику А. Бахраху спустя годы она признается, что значит для нее физическая близость с мужчиной: «...самые лучшие, самые тонкие, самые нежные так теряют в близкой любви, так упрощаются, так грубеют, так уподобляются один другому и другой третьему, что – руки опускаются, не узнаешь: Вы ли?».

Для Марины Цветаевой любовь – это душа, Психея.

Не самозванка – я пришла домой,
И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там, на земле, мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
– Возлюбленный! Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя – Психея!

«Есть, очевидно, иной бог любви, кроме Эроса, – Ему слу-

жу» – такую формулу вывела она (из «Записных книжек»).

Марина не считала себя обычной женщиной, понимая и осознавая, что она – иная.

И уже на закате жизни она признается: «... все дело в том, чтобы мы любили, чтобы у нас билось сердце – хотя бы разбивалось вдребезги! Я всегда разбивалась вдребезги, и все мои стихи – те самые серебряные сердечные дребезги».

Какая печальная и точная фраза!

Но возвращаясь к тому времени... Сергей Эфрон собирается идти добровольцем и подает прошение на имя ректора Московского университета об увольнении, что приводит Марину в ужас. Страх и беспокойство за мужа охватывают ее с новой силой:

«Это – безумное дело, нельзя терять ни минуты. Я не спала четыре ночи и не знаю, как буду жить <...>

P.S. Сережа страшно тверд, и – это страшнее всего. Люблю его по-прежнему».

Сергей Эфрон забрал прошение, но данный факт показывает, насколько он был измучен сложившейся ситуацией и как хотел самоустраниться (что он и делал всегда в таких случаях.) И предоставить Марине свободу.

Но несмотря на все увлечения – расстаться с мужем немислимо... Ведь он – ее верный рыцарь и последняя надежда в самые сложные и трудные моменты жизни.

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я – бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

12 мая 1916 года Сергей Эфрон зачислен на строевую службу. В промежутке между зачислением и началом службы супруги поехали в Коктебель. К Максуду.

В письме к Лиле Эфрон Марина пишет:

«Сережа тощ и слаб, безумно радуется Коктебелю, целый день на море, сегодня на Максиной вышке принимал солнечную ванну. <...> Все это так грустно! Чувствую себя в первый раз в жизни – бессильной. С людьми умею, с законами нет. О будущем стараюсь не думать, – даже о завтрашнем дне...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.